

КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ БЕССАРАБИИ

Н. Г. ДЕНИСОВ
(Москва)

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ БЕССАРАБИИ (село Кунича)

Старообрядческая культура может изучаться в разных аспектах. Историки занимаются вопросами раскола, миграционных процессов на протяжении XVII—XX вв.; экономисты исследуют особенности старообрядческого предпринимательства, знаменитого купеческими династиями; археографы собирают рукописи и книги в старообрядческой среде; филологи рассматривают традиции полемической литературы, которые развивались и творчески продолжались ревнителями древней веры.

Среди всех наук, связанных со старообрядчеством, музыкальная медиевистика является самой молодой. Специалисты в этой области, приступая к изучению старообрядчества, естественно, используют наработки, методики, сложившиеся в других науках (как в академическом музыковедении, так и в истории, археографии). Тем не менее, в последние годы музыковедами проделано много работы, совершенно большое число экспедиций, написаны и изданы каталоги и исследования по старообрядческой певческой культуре. Как ни странно, именно музыковеды стали рассматривать старообрядчество не только как источник для изучения вопросов древнерусского искусства, но как самостоятельную культуру со своими особенностями. На основе при-

метода удалось установить, что культура старообрядцев-поповцев¹ имеет две традиции: российскую и южную.

Старообрядческие общины Бессарабии относят к южной традиции. Их культуру характеризует типологическое единство². Приходы в междуречье Днестра, Прута и Дуная отличает близость жизненного уклада и культурных традиций. Однако некоторые из них выделяются, считаются духовными центрами. Одним из таковых является старейший приход с. Кунича.

С середины 70-х гг. XX в. здесь активно работали археографы МГУ. Рукописные и печатные материалы, собранные экспедициями в этих местах, дополняют материалы дневниковых записей собирателей, а также впечатления, полученные от общения с людьми во время исследовательской работы. Попытаемся рассказать о наиболее интересных сторонах жизненного и духовного уклада села в прошлом и о том, что сохраняется в настоящее время.

Устная традиция в Куниче связывает возникновение села со временем правления Петра I или Екатерины I, называя первых поселенцев ушедшими с Дона казаками³, но, вероятно, уже в это время в числе первопоселенцев в Куниче могли оказаться и северные великороссы. Во всяком случае, этно-

¹ С 1979 г. автор занимается изучением культуры исключительно старообрядцев-поповцев белокриницкого и беглопоповского согласий.

² Типология богослужбной культуры и певческих традиций общин Русской Православной Старообрядческой Церкви рассматриваются в кн.: [Денисов 2005]. Поэтому здесь будут повторения из нее.

³ М. И. Лилеев упоминает Куничу среди поселений старообрядцев в Бессарабии, возникших после перехода игнат-некрасовцев в подданство султана. См.: [Лилеев 1895, 262], см. также [Смилянская, Денисов 2007].

графические и лингвистические исследования приводят к выводам о сохранении в некоторых обрядах, говорах, в типе жилища севернорусских черт [Ермакова 1964, Чижикова 1973].

Документально подтверждается, что в 1723 г. в древнем, но разоренном турками в конце XVII в. селе появились старообрядцы. Число их до конца XVIII в. оставалось незначительным: по описи 1772/73 г. — 21 двор, 1803 г. — 51 старообрядец мужского пола [Молдавия 1975, 166, 360; Зеленчук 1969].

Стремление к сохранению традиционного старообрядческого уклада, приведшее в Куничу ее первых поселенцев, предопределило этнокультурную и религиозную обособленность куничан. Центром их замкнутого мира оказывается деревянный храм в честь свв. Флора и Лавра, построенный на рубеже XVIII и XIX вв., являющийся не только архитектурной, но и духовной доминантой для старообрядческого населения, хранителем традиционного уклада, религиозных и культурных ценностей. Аналогий такого посвящения свв. Флору и Лавру в других старообрядческих приходах нет⁴. В современном издании можно прочитать о Куниче: «Церковь — сакральный символ старообрядческой Куничи <...> У нее два входа: западный — для женщин — и <...> северный — для мужчин <...>. Кладбище — на юге (относительно церкви). В других местах оно на севере (как напоминание о северной прародине староверов). Церковь расположена между двух речушек, на возвышении. В прежние времена лес подходил прямо к окраине Куничи, теперь его почти не осталось. Хотя и сегодня можно увидеть на въезде в село остатки древних дубовых, грабовых и завезенных липовых посадок» [Древность 2002, 157].

Церковная община храма свв. Флора и Лавра обыкновенно избирала из своей среды и будущего настоятеля храма. Приход церкви свв. Флора и Лавра в Куниче состоит только из местных

⁴ Возможно, приводимые Е. Румянцевым материалы о древнем (1647 г.) антимисе, привезенном из Средней России, объясняют посвящение старообрядческого храма свв. Флору и Лавру, традиционно считающимися покровителями коневодства [Румянцев 2006, 130—134].

жителей, чужие приезжают в этот храм редко. Проживают куничане компактно, далеко от всех прочих старообрядческих поселений. В другой части села (она имеет свое название — Пояны) живут украинцы и молдоване, у которых есть и своя церковь. Разделение села на «кацапскую» и «хохлацкую» стороны, безусловно, сказывается на традициях жизни общины. Единными являются сельсовет, клуб, школа, единым был и колхоз имени XX партсъезда. Естественно, были и смешанные браки, случалось это крайне редко⁵, причем, как правило, представитель «хохлацкой» части перед венчанием принимал старообрядчество⁶.

В церковь в Куниче ходило и ходит абсолютное большинство русских жителей села. Церковь всегда была наполнена верующими разных возрастов: от детей до глубоких стариков. Кроме храма с конца 90-х годов XX в. стал возрождаться и старообрядческий женский монастырь.

В Куниче не прервалась и традиция иконописного искусства. Мастера-самоучки постоянно писали иконы для прихожан, местные иконы украшают и храм свв. Флора и Лавра. Сейчас в селе живет и работает мастер иконописания Подлеснов Николай Фомич.

В жизни Куничи до настоящего времени сохранился редкий обычай «брать праздник в дом». В каждом доме принято особо отмечать один из праздников года. Он может быть двенадцатым, великим или посвященным памяти какого-то святого. Таким образом, все праздники года распределены по домам. Одни особо отмечают праздник св. пророка Илии, другие — праздник Введения и т. д. Почему семья особо чтит тот или иной праздник, никто вразумительно ответить не может. Обычно говорят, что так заведено было их родителями. Родители же приняли эту традицию, в свою очередь, от сво-

⁵ По данным Л. Н. Чижиковой, на начало 1970 г. в Куниче заключалось только 0,1% межнациональных браков, тогда как в старообрядческих поселениях Покровке и Егоровке соответственно 1 и 6,4% [Чижикова 1973, 32].

⁶ Ср.: В Подунавье и румынской Добрудже при смешанных браках также обычно женихи принимали старообрядчество [Сырку 1880, ч. 2, 442—443].

их предков и т. д. Один из жителей, Виссарион Афанасьевич Макаров, объяснил это следующим образом: «*Когда я построил дом, надо было его освятить. Освящение дома произошло в день памяти святого Василия Великого. С тех пор этот день стал у меня чтимым праздником*». В день, когда семья отмечает свой праздник, в церковь приносят муку, масло, вино. Покупается много свечей, чтобы они горели у каждой иконы на вечернем богослужении и на литургии. Платят за служение священнику, диакону, певцам. После литургии устраивается праздничный стол в доме. На него также приглашаются священнослужители, клирошане, родные и близкие, односельчане.

Благолепие церковных праздников, яркость постоянно подновляемого храма, сильный церковный хор законно вызывают гордость куничан, считающих свой приход самым крепким в стране. И действительно, высокая традиция знаменного пения и искусство колокольного звона — неотъемлемые элементы культуры села. Все это едва ли было бы возможно без выдающейся роли священника — настоятеля куничского старообрядческого храма.

Наверное, не будет большой ошибкой сказать, что главным человеком в селе даже в советский период был не председатель сельсовета и не председатель колхоза, а настоятель храма. В советские годы местная администрация, прежде чем принять многие решения, обращалась к настоятелю церкви свв. Флора и Лавра за советом. Было ясно: люди не будут ничего выполнять без его благословения. Для советского времени это был исключительный случай.

После благословения священника гостеприимные прихожане, вежливые и приветливые, принимали московские экспедиции без напряжения, с пониманием относились к целям и задачам исследователей. Куничанами в Бессарабское собрание МГУ была подарена основная часть книг и рукописей. Доброжелательное отношение встречали в 1986 г. и фотографы, делавшие первую серию фотографий в старообрядческом приходе на Пасху [Пасха 1994, 37—39]. Я впервые попал в Куничу в 1991 г. на праздник Троицы. Запись пения на Литургии разрешили производить около

свечного ящика. Все это видели, поэтому тихо передавали деньги на свечи, чтобы не создавать шума. Некоторые пожилые люди, пожелавшие встать рядом с ящиком, сразу получали отпор со стороны других: «Ну, куда ты лезешь. Не видишь, человек работает!».

Последние сорок лет возглавляет куничский старообрядческий приход о. Иоанн (Иван Иосифович) Андронников, которого часто называют «заслуженный протоиерей»⁷. Он родился в Куниче в 1919 г., воспитывался в своей общине. Начинал простым звонарем, затем был руководителем хора, уставщиком, наконец, в 1966 г. стал священником. Молодой юноша фактически был свидетелем того, как приходы Молдавии перешли в подчинение Московского Рогожского центра и как менялась их богослужebная жизнь. Вот как он рассказывал о себе сам: «*Родился я здесь. В армии служил в Румынии. В 1940 году русские пришли, потом опять отступили. А я должен был в армию идти в Россию. А когда они отступили, румыны зашли и сразу нас: “Ага, вот подошел”. И забрали нас в Румынию. Потом снова пришли русские. Воспитался я в своем приходе. Был певцом, звонарем*».

Учителями о. Иоанна были знаменитые в старообрядчестве архиереи — Иосиф (Моржаков) и Никодим (Латышев). Память об уроках, полученных от епископа (а с 1961 г. архиепископа) Иосифа, постоянно присутствует в рассказах о. Иоанна. После кончины Иосифа, когда Кишиневский епископ Никодим (Латышев) возглавил старообрядческую архиепископию в Москве, о. Иоанн, будучи уже священником, стал в Молдавии фактически его правой рукой. Помимо совместного служения в Кишиневе и в родном селе владыки Старой Добрудже, архиепископ Никодим вызывал о. Иоанна для решения многих духовно-административных вопросов.

В 1986 г., после кончины Никодима, местоблюститель старообрядческой архиепископии епископ Анастасий (Ко-

⁷ В конце 1980-х гг. он был в Москве, по делам пришлось идти в Совет по делам религий. Сотрудник В. Г. Подшибякин, курировавший в те годы старообрядчество, встретил его словами: «Ну! Корень христианства пришел».

нонов) возвел о. Иоанна в протоиереи и назначил благочинным Кишиневской епархии. В тот же день был рукоположен в диаконы и сын о. Иоанна Константин Иванович (скончался в 2005 г.), уже не один год руководивший хором и звонами в Куниче. Родословную в приходе продолжает и сын Константина Роман, являющийся стихарным и руководителем хора.

Обучение у Иосифа и Никодима, общение с этими иерархами не прошли для настоятеля куничского храма свв. Флора и Лавра даром, они во многом способствовали формированию высокой культуры старообрядческого богослужения в селе. Отец Иоанн не просто хорошо разбирается в Уставе, знает традиции богослужения, колокольного звона в своей общине, он понимает и ценит особенности местного пения. При нем богослужение ведется очень чинно; каждый его жест, шаг, взгляд, благословение, возглас, все движения отработаны десятилетиями. Возгласы он произносит торжественно, неторопливо, молитвенно. Записи бесед с настоятелем куничского храма свв. Флора и Лавра о. Иоанном Андрониковым стали для нас основой для наблюдений за традициями старообрядческого пения в Куниче. Как мы увидим, протоиерей на все вопросы смог дать очень четкий ответ. Каждое явление было охарактеризовано им полностью: существовало ли всегда или возникло позднее, кем принесено, на что похоже и т. д.

«Во времена моей молодости, когда мы были в Румынии, у нас служили в первом часу ночи всенощное бдение. С полночи начинали».

Эта традиция является характерной особенностью приходов Румынии. В России в настоящее время ее сохраняют только два прихода беглопоповцев в Краснодарском крае — в Приморско-Ахтарске и хуторе Новопокровский, где прихожане являются румынскими переселенцами. С праздника Воздвижения и до Благовещения служба начинается ночью, и сразу, без перерыва, идет Литургия.

«Приехал к нам владыка Иосиф. Ну, кончили всенощное, ну, священник там входную делает (т. е. читает входное правило перед служением литургии. — Н. Д.). “Пошли, пошли, — говорит вла-

дыка Иосиф. — Бери книгу”. А я тогда дьяком был. “Бери книгу”. Я взял книгу и ирмосы “Волною морскою”. Я разложил книгу, налейчик взял, поставил. “Ну вот, слушайте, как лучше петь”. Вот запева-ет. А у нас редко пели, так «напевкой». И вот... “Или, — говорит владыка, — вот, значит, вот”. (Отец Иоанн поет при этом. — Н. Д.). Я говорю: “Конечно так, владыко”. — “Ну, так вот, отец Иван”. То есть, давай, говорит, немножко убыстрять. Ну и начали немножко».

Как видим, начало московского влияния точно известно.

«Да, да, да. Я с того времени, когда мне владыка Иосиф сказал это все... ну и начали немножко мы круглить, да».

Фактически епископ Иосиф в 40-е — 50-е гг. XX столетия явился проводником российских особенностей служения и пения в молдавско-дунайских (то есть в бессарабских) приходах. Как видно из слов о. Иоанна, пели в то время в Куниче намного медленнее, господствовала «напевка». Новации в пении, по его понятиям, заключались в убыстрении темпа — «немного круглить» стали — по местной терминологии.

Реакция на это, как и полагается в старообрядчестве, не заставила себя долго ждать.

«Потом один старик был, встретил меня: “Ты кто, руководитель или кто?” Что такое? А он родственник был. А я говорю: “А в чем дело?” — “А что ты, — говорит, — в твоих руках возжжи. Ты как запоешь, так и пойдет. Что ж ты распустил «напевку»?”. Новое. Такие недовольства были. Мужчины, старики по году не ходили в церковь. “И что завели. Ну, если мы видели? Ну, нету же его”. Один сосед, вот и сейчас живет, борода была такая длинная, год не ходил в церковь. Потом пришел. Ну. Недовольство большое было, как сказать. В деревне».

Прихожане, очевидно, четко осознавали особенности своего пения. Для них достаточно было немножко изменить даже не версию напева, а что-то из музыкально-выразительных средств, чтобы охарактеризовать это словами «распустить “напевку”». Обращает на себя внимание и то, что свое пение они называли «напевка».

«А раньше, как запоют, зажмурятся старики и кричат. А когда уже владыка Иосиф, потом Никодим говорить стали,

уже начали немного округлять. Стало пение “круглее”».

Помимо убыстрения темпа, изменения, как видно, коснулись и уменьшения громкости, и некоторого округления исполнения. В настоящее время в общине пение громкое, но не превышающее приемлемый уровень. В куническом хоре чувствуется монолитность, спетость.

«А раньше — ты Боже мой! Сила была, народу было, стариков. Абрикосов тогда был в Москве (секретарь старообрядческой архиепископии. — Н. Д.). “Вот, — говорит, — собьют Москву”. Вот такое пение у нас было. И басы были, и тенора».

Выражение «сила» опять подчеркивает мысль о спаянности всех поющих. Кунический хор предстает как единая волна.

Подчинение Московскому центру продолжалось на протяжении всей второй половины XX в. Оно касалось всех форм жизни и традиций общины. В 1991 г. о. Иоанну пришлось встретиться с митрополитом Браильским Тимоном. Это был первый приезд в СССР главы автокефальной старообрядческой церкви Румынии. После посещения Москвы, встречи с митрополитом Московским и всея Руси Алимпием, Тимон, на обратном пути в Румынию, остановился в Кишиневе. На службу пригласили и о. Иоанна. Вот как он это описывает: *«Я вот, когда был в Кишиневе сейчас, с румынским митрополитом... Запели славник празднику Преображения “Преобразюя...” А я стою коло митрополита. А один священник, румынский говорит, по-румынски же: “Ежели знаешь крюки, так становись, ежели нет...” (Отец Иоанн, как и все старообрядцы этих мест, знает румынский язык. — Н. Д.). Я молчу. Ну, когда митрополит запел, я как дал голосом... Они мне все, эти румынские: “Поближе к митрополиту, поближе”. Они думали, что у нас крюковое пение не на высшем. Конечно, у них пение отличается. У них даже язык ломаный. Они поворачивают, вот, например: “Премудрость прости, услыши от Иона”. Надо же от Иоанна. Как-то на ломаном языке получается и все. Один митрополит хорошо говорит на русском, чисто русском языке. Он моих годов. А пение отличается. Ну, похоже, как и наше пение старинное. Как у нас*

было, при румынской власти. Так и вот и они поют сейчас».

Как хорошо помнит он сейчас свое прежнее пение и чувствует происшедшую в нем за десятилетия перемену! При этом он называет прежнее пение «старинным», в отличие от московского. *«Ну, конечно, и сейчас наше пение немного не сходится с Москвою, с Кишиневом, но по крюкам. Кишинев — больше под Москву. Ну что, Москва так, а мы — по своему. Вот я скажу за Добруджу (Село Старая Добруджа, недалеко от Бельц, где о. Иоанн служил с архиепископом Никодимом. — Н. Д.). Вот там служил архиепископ Никодим. Двадцать лет мы с ним служили, на престольные праздники. Там очень красивое было пение, старинное такое, очень. А когда стал служить отец Епифаний, и то испортил, и по книгам не так точно. Думал, так сказать, поставлю пение. А и то потерял. Но я не хочу. Кто придет: «Нет, отец Иван. Пусть будет так оно». Как было, так и остается. Ну, и не хочется ломать, как сказать».*

Этот подход свидетельствует о мудрости настоятеля. Изменения, которые имели место, не сломали, не испортили пение. То, что предлагал епископ Иосиф, только улучшило, облагородило исполнение, но не разрушило традиций общины, которым сохраняют верность и священник, и певцы хора.

Чтобы охарактеризовать поведение о. Епифания из прихода с. Старая Добруджа, необходимо прояснить ситуацию с церковным пением старообрядцев в целом. С конца 1970-х гг. в старообрядчестве стали распространяться авторитет и значимость хора Нижегородской общины. Под руководством регента Леонтия Ивановича Пименова коллектив молодых певцов начал исполнять песнопения точно по крюковым версиям, изложенным в певческих печатных книгах. Эту практику нижегородцы преподносили всем старообрядцам как пример грамотного и, главное, древнего, с их точки зрения, пения. Эпигоны стали разносить славу о хоре по разным приходам. Пение нижегородцев считалось авторитетным и в Москве, хотя сломать рогожские традиции в 1970—1980-е гг. им не удалось. Значительно большего влияния нижегородцы добивались на перифе-

рии. На южные общины, в том числе молдавские, это пение производило значительное впечатление и академической постановкой голосов, и чистым унисоном. Этому-то настроению и поддался сельский священник из Старой Добруджи. Ведь не хочется слыть «неграмотным», «деревенским». Неудача, постигшая его, о которой говорит о. Иоанн, вполне объяснима. Община Старой Добруджи, являясь замкнутой, сельской, не смогла забыть своего пения, тем более такого, которое не решался менять даже архиепископ Никодим. Древнему пению Куничского прихода о. Иоанн дает высокую оценку. Это пение в медленном темпе, избыточное мелизмами, со своеобразным звукоизвлечением, не академическим, а таким, какое принято у румын, греков. Нововведения, привнесенные архиепископом Иосифом и самим о. Иоанном, не испортили своих традиций и не создали новых.

Далее продолжает свой рассказ о. Иоанн: «*Пели по рукописным книгам. Да, рукописные, даже “Ирмосы” были рукописные. При моей памяти перешли на калашниковские. Ну, как-то яснее. Книги привезли с России. Новые все. А те, закапанные воском. Света не было, все с огарочком стояли старики. Я слеп⁸.*»

Таким образом, Москва принесла и новые письменные источники — книги, выпущенные в начале XX в. Л. Калашниковым. Они были одобрены старообрядческими соборами и сразу получили распространение в российских приходах. В Бессарабию их завезли опять же при епископе Иосифе. В селе пользовались рукописными книгами, большая часть из которых и попала в Бессарабское собрание научной библиотеки МГУ. Рукописи, причем местного письма, и сейчас есть в общине. Особенно интересна рукопись службы свв. Флору и Лавру, престольного праздника храма.

«*По книгам мы пели славник⁹, а всё такое — по “напевке”. Пели по книгам.*»

⁸ О. Иван и в настоящее время, на 89-м году жизни, читает без очков.

⁹ Славник — это последнее песнопение в циклах стихир на всенощном бдении, которое предваряется словами малого славословия: «Слава Отцу и Сыну...». Как правило, эту стихирю исполняют по книге, знаменным столповым распевом.

Как было, так и сейчас остается. По крюкам пели, ну а как же. Я крюки знаю. Я, когда малым был, ну, мне лет 16, 17 было, так здесь один старичок обучал нас пению. Потом был Давыд Васильевич. Они хорошо знали пение. А сейчас у нас почти все девчата (девчатами он называет своих сверстниц, двух руководительниц клиросов, которым в 1991 г. было около 60 лет — Н. Д.) знают крюки и крюковое пение. Открывают и по крюкам поют».

Из слов настоятеля видно, что нотацию в приходе знали. Но одно дело, если люди помнят версии напевов наизусть, другое — если они проходили специальное обучение крюкам, владеют ими. Действительно, в хоре нет резкого разделения на тех, кто поет уверенно, и тех, кто только подпевает. Возможно, в этом также одна из причин ровного, уверенного исполнения.

«*Пели мужчины. Женщины на клиросе появились при мне, при памяти владыки Иосифа. Женщин до этого не было. А он, когда приехал первый раз в Кишинев, в Куничу, и говорит: “Надо женщин приучать. Потому что на женщинах все останется, вот основа”. Он знал, что уже в России на женщинах держалось. А у нас это еще не принято было. Ну, решили, давай, подучим. Отец Сафроний Череватов служил тогда здесь. Он взялся учить. Я тогда дьяком был. Начали девчат учить и на клирос поставили. И, новое... Такие недовольства были. Те же старики по году не шли в церковь. “И что завели. Ну, если мы видели это. Ну нету же этого”. Потом привыкли и вот осталось. Вы сами видите. Указку — это недавно. Это при моей памяти уже указку ввели, указывать чтобы. А то так, зажмурятся и запели».*

Опять — российское влияние.

«*Здесь все местные, приезжих никого, ни одного.*»

Чтение у нас, почти, как оно было. Как я еще маленький рос, так и ничего не меняли».

Разница в чтении многих богослужебных текстов, по сравнению с российскими приходами, ощущается. В общине нет четкой дифференцированной системы погласиц.

«*По-разному читали в прошлом. Есть чтецы, которые немного иначе читают. Был такой случай. Когда владыка Иосиф приехал сюда, на службу приехал один дьяк*

из Сыркова. Там у нас маленький приход, тридцать домов. Священника никогда не было. Я их обслуживаю. Так этот дяк на всенощной читал ексапсалмы. Когда начал читать, владыка Иосиф спрашивает: «Кто это? А что это?». А я говорю: «А что, владыко, в чем дело?» — «Да смотри, как он читает. Ай-яй-яй». Сейчас этого не умеют. Я немного помню. Так умильно, а голос резко (т. е. четко. — Н. Д.). Никто не перенял, так вот и забросилось все. А я мог бы это, я помнил. Ну, есть особые чтецы, умеют читать и ексапсалмы, и канон, но редко. В основном, нет их уже. Были в моем возрасте».

Эти высказывания настоятеля похожи на рассказы старообрядцев российских приходов, когда заходит речь об утрате, потере, угасании религиозной жизни.

На богослужениях, которые пришлось фиксировать в 1991 г., чтение в приходе ровное. Фактически все молитвословия читаются одинаково. Правда, необходимо принять во внимание то, что много текстов поручали читать девушкам. Чтение же самого о. Иоанна, его возгласы очень колоритны, отличаются от возгласов, произносимых во время богослужения российскими священниками-старообрядцами. В них проскальзывают мелизмы, свойственные традициям южных приходов.

Важное отличие, сохраняющееся в старообрядческом церковном пении с. Кунича (то, что роднит его с пением в других «липованских» общинах, но отличается от «московского»), — отсутствие унисона в исполнении.

«Не было этой строгости. Давно, ну, сколько лет, и когда я был уставщиком, тогда сорок человек на хору было: двадцать мужчин и двадцать женщин. Давно, конечно (не было унисона в пении. — Н. Д.)».

Как видно, московское влияние на жизнь и традиции прихода не затронуло эту особенность исполнения. Не отметил ее и владыка Иосиф. Пение в храме все многоголосное, даже когда хор поет на одной высоте слово «Аминь». Но многоголосие здесь необычное. Никто из певцов не подчеркивает, что он поет первым или вторым голосом. Для всех хористов это пение **в один голос**. Нет разделения на тех, кто поет сам напев, и тех, кто «вторит», т. е. удваивает его в терцию. Версия напева слышна очень

четко. Сами напевы типологически сходны с напевами других общин. В этом хоре может петь любой старообрядец. Это пение с терцовым удвоением основного напева, не гомофонно-гармонического склада. В нем нет четко выраженных аккордов. Как будто это пучок голосов. Каждый из исполнителей в определенном фрагменте поет письменную версию, а в другом отступает от нее вверх или вниз по диапазону. В некоторых местах письменная версия изменяется всем хором по установившейся местной традиции, то есть «напевке». Певцы чувствуют, что наступает трудный мелодико-ритмический оборот, и изменяют его, создают свой. Фактически куническое пение можно отнести к типу вариантной гетерофонии.

«Пели всегда громко. Да, всегда. Все. Аж трещит всё. И Великое славословие и всё. Не имели понятия, что надо тихо петь. И сейчас так поют».

Старые певцы указывали, что в настоящее время поют в общине не так громко, как раньше. Настоятель не разрешает. Но если он уезжает, то они позволяют себе петь так, как было в прошлом.

Динамика пения всегда, на всех богослужениях, при исполнении всех песнопений ровная.

Отдельно следует сказать о колокольном звоне в Куниче. Сам некогда звонивший и научивший звону своего сына Константина о. Иоанн рассказывает: *«У нас были звонари. И я вот звонил, причем был первый звонарь в деревне. Потом запретили, почти двадцать лет закрытие было. Лет шесть как открыли. Одна женщина хлопотала».*

Нас учили, подсказывали. На похоронах — траурный звон. На Апостоле, это недавно диакон завел. Когда читается прокимен перед Апостолом, колокол ударяет четыре раза, как предвестник. Пред Евангелием редко звонят. По Уставу положено».

Звон в общине действительно хороший, и на звоннице удалось сохранить несколько десятков колоколов. Благодаря этому служба с красивым ярким пением как бы еще больше расцвечивается.

В конце Литургии, при пении 33-го псалма «Благословлю Господа на вся-

ко время», священник раздает верующим антидор. Так принято во всех южных приходах. Начинается чтение Поучения. Потом следует ограждение крестом. Чтение в этот момент прерывается, и хор запеваает стихиру «Иже крестом». Потом снова продолжается чтение Поучения. Это тоже специфическая местная традиция.

В отличие от российских приходов на службе в Куниче при чтении Апостола, Евангелия верующие не наклоняют голову. Священник поясняет: *«Не было этого, не было. Так оно идет».*

В Куниче постепенно перестают читать «сорок Псалтырей» по умершему, как принято в России. Это показалось мне новшеством. Но настоятель дал четкий ответ: *«Раньше шесть недель беспрестанно читалась Псалтырь. Беспрестанно. Вот собираются три-четыре человека и шесть недель беспрестанно читают. Это называлось «неугасимая» (т. е. в буквальном смысле, непрерывно читающаяся. — Н. Д.). Но архиепископ Никодим запретил. “Что это? Это ж в гонения было, когда священников не было, церквей не было. А сейчас выше всего — Литургия. Священники есть, церкви есть, проскомедия есть. Просфора — выше всего”, — говорил он. Одна Литургия выше сорока Псалтырей. Жертвоприношение. Я разъяснил людям в церкви. И у нас это перестали делать».*

В российских приходах, как поповских, так и беспоповских, продолжают соблюдать традицию чтения «сорока Псалтырей».

Итак, богослужебные и певческие традиции, существующие в Куниче, давно выкристаллизовались, вошли в жизнь общины и ее прихожан. Певцы исполняют любое песнопение, не чувствуя страха перед трудностями. Расшифровка фонограмм куничского пения позволяет выяснить особенности мелодико-ритмического склада местной «напевки». И можно сделать вывод, что пение здесь более высокого уровня, нежели в других старообрядческих общинах Бессарабии. Поют здесь медленно; все богослужение, пение, шествие по храму священника идет без всякой спешки, как бы в застывшем времени. Все здесь естественно: регистр, громкая динамика, хорошо усвоенные певцами напевы, четкая артикуляция. Удивительно, как

исполняются местными прихожанами песнопения из непевческих книг (например, стихиры). Стоящие впереди певцы поднимают книгу вверх. Сзади них стоит хор из пятидесяти человек. На таком расстоянии очень трудно разглядеть книжный текст. Однако все исполнители четко, как бы выговаривая, поют стихиру как по команде. Сразу вспоминается выражение настоятеля — «сила», — подчеркивающее единство общины в пении и в молении, в жизненном укладе.

Прошло более десяти лет, как пришлось снова оказаться в Куниче. Теперь Молдова — другая страна. Политическое руководство Молдовы все больше ориентируется на Румынию. Что же произошло в жизни куничской общины за эти годы? Активная экспедиционная работа возобновилась здесь в 2005 г. и продолжается по настоящее время. Увы, изменения в жизни страны, всей старообрядческой церкви коснулись и этого замечательного прихода. Они затронули и традиции пения.

Записи богослужений в куничском храме показывают, что и в приходе о. Иоанна Андронникова в последние 15 лет происходят существенные изменения. Последние два года о. Иоанн больше не служит по состоянию здоровья, хотя формально остается настоятелем храма. Больше половины жителей села в отъезде, на заработках. Летом село оживает. Зимой же и в храме, и по домам одни старики и их внуки. Поэтому, говорят они, меньше стало служб (*«Раньше мы молились особо почитаемым у нас святым, а сейчас этого нет»*). Изменилось и само пение. Это замечается сразу, как только попадаешь в храм. Ускорился темп исполнения (*«А раньше все шло неспешно»*). На службе теперь отчетливо разделяется пение правого и левого клиросов. На левом поют в основном пожилые певцы, придерживаясь местных традиций. Поэтому во время богослужения возникают разногласия, даже осложнения. Заканчивает пение правый клирос, вступает левый. Вначале хористы пытаются держать высоту правого клироса, но во время исполнения постепенно понижают звучание. Возникает дисгармония. Из-за этого теряется единство, качество всей службы.

Изменения в исполнении правого клироса связаны с тенденциями, которые наблюдались в ряде старообрядческих приходов юга в последние десятилетия. Слава «единственно правильного» нижегородского пения продолжала распространяться среди всего старообрядчества. Представители средней Волги разъезжали по храмам, учили людей крюкам и утверждали, что «петь надо только так, как написано в книгах». В качестве главного авторитета, идеолога нового направления часто назывался Леонтий Иванович Пименов (священник Орехово-Зуевского прихода Московской области, нижегородец по происхождению). В 1991 г. настоятель храма отец Иоанн противостоял этим нововведениям. Но, как показала жизнь, это оказалось тщетным. Именно этим влияниям и поддался его внук Роман, руководитель правого клироса.

В конце XX столетия в ряде приходов возникали трения, споры о «правильном пении». Конечным результатом этих процессов явилось почти полное уничтожение местных певческих традиций в целом ряде общин. Не явились исключением и приходы Кишиневской епархии. В настоящее время «нижегородские» влияния еще не подавили, как во многих южных приходах, куничских традиций, но руководители двух клиросов храма свв. Флора и Лавра Ф. К. Макарова и Роман Андронников оказались на разных позициях. А ведь именно они ведут за собой и певчих храма. Записи бесед с ними, сделанные в августе 2006 г., исключительно важны для прояснения сложившейся ситуации.

Итак, головщицей левого клироса в храме свв. Флора и Лавра является опытная певица Фёкла Кондратьевна Макарова (1936 г. р.), которую в селе чаще именуют тетей Олей. При храме в Куниче она с раннего детства: «Мы бедно жили. Отец у нас побибший, а нас, детей, много было. В церковь куничскую ходили молиться тогда только богатые (в довоенное время. — Н. Д.). Туда одежда должна была быть лучшей. Я еще не могла доставать до шкафчика, а уже была на клиросе. Мне ставили скамеечку. Мама говорила, что еще в 3 года, когда не могла выговорить, я пела “Елицы во Христа”».

Я-то воспитывалась больше в монастыре. Там выучила крюки. Нас матушки учили крюкам. Потом монастырь разорили. Тогда стала ходить в куничский храм. Всю жизнь я при храме. Отец Софроний Череватов привлек. Ни одной службы я не пропустила.

Каждое день я молюсь полунощницу, утрению, правило иноческое, 12 псалмов. С четырех до десяти утра это продолжается. Вечером: вечерню, повечерницу, правило иноческое. Двадцать лет уже так.

Когда молишься за какого-то человека, то чувствуешь — какой он. Независимо от того, за живого молишься или за усопшего. Постепенно я стала это замечать. Тогда стала молиться крепче. Если человек нехороший, надо усердней молиться.

С юных лет я ходила молиться по покойникам, псалтырь читать. Порой, все идет легко, а в другой раз — не дается. Значит, не угоден был Богу человек, грешный был. Попробуй, вымоли его, если он в церковь не ходил. Господь не хочет смерти грешнику. Дает болезни. Лежит в постели человек. Ведь в каноне “За болящего” есть такие слова: “от урока злых человек и от напрасные смерти” спаси Господи.

С 2 часов ночи до 3-х надо молиться, когда все движение почивает. Тогда молитва доходит... Ведь, как говорится, “всяко ныне отвержем житейску печаль”¹⁰. Лампада должна гореть и свечи.

При любом искушении надо молиться, вымаливать. Как Господь говорит: “...толците и отверзется”. Святым надо молиться. А святые уже Богу.

Каждый день надо молиться. Не помолишься, никакое дело не получится».

На вопрос, было ли Вам какое-то знамение, видение, что Вы посвятите жизнь храму, Богу, тетя Оля отвечает: «Во сне было вот что. Отец Константин Лепилов будучи молодым захотел на мне жениться. Меня готовили ему в жены. Я не хотела. А мама со всей силы настаивала. И мне было видение. Я в церкви. Вижу, стоит Иисус Христос. Ноги босые. Я его вижу, и он мне говорит: “Иди за мной”. Он пошел на холм, а я за ним. Мне было лет 18—19 тогда.

Я проснулась, встала, с нетерпением бегу к маме и говорю об этом. А она мне:

¹⁰ Перефраз из песнопения «Иже херувимы».

«Не одевай мне очки. Знаю я тебя. Ты что, хочешь босяков в мужья? Этот-то, кандидат в священники». Замуж я так и не вышла».

Далее беседа касалась сравнения старых певческих традиций в Куниче с «новыми», которые вводит руководитель правого клироса Роман Андронников.

Вопрос: Давайте поговорим теперь о пении в Вашем храме. У Вас правый клирос выше поет, одногласно. Почему?

«Правый клирос — он сильнее, выше подымает. А мы стараемся уже под него. Правильное пение, я имею в виду, это чтобы слова сходились (имеется в виду четкая дикция и синхронность обоих клиросов. — Н. Д.)».

Вопрос: Но ведь раньше у вас ниже пели?

«Да. Я ему говорю (Роману, руководителю правого клироса. — Н. Д.): ты ищи себе напарника таково, как ты, чтобы было одинаково».

Вопрос: Раньше Вы пели многогласно?

«Сейчас этого нет. Узнали, что надо единогласно. У нас как бы обычно был — кто громче. Даже перекрикивали друг друга».

Вопрос: А если Вам скажут спеть по-старинному, Вы споете?

«Споем. Мы-то не по-новому поем. Как пели, так и поем. Помню, как пели прокимны, Аллилуиа, “Слава тебе Господи”. Были старики. Они пели. Потом прото-дьякон Константин перевернул, а Роман еще больше».

Вопрос: Вы учили в приходе крюкам?

«Учила и учу: читать, петь. Приходят мальчики, девочки».

Вопрос: Расскажите про служение о. Иоанна.

«Он раньше лучше служил. Он от стариков все позаимствовал, здесь уже».

Вопрос: А вообще, отличается Ваше пение от других приходов?

«Отличается. В каждом приходе немножко, но не так. Раньше больше по «напевке». Раньше даже Херувимскую песнь без крюков пели. А сейчас пошли по-новому. У нас есть еще старики, человек десять. Роман нам говорит: “надо не тянуть”. Ну что, я бессильна».

Вопрос: Вы говорили про монастырь. А служба в монастыре отличалась от храма?

«Да. В храме — по-куничски. А у нас в монастыре было больше приезжих. С России приезжали матушки. Они руководили. В Куничах больше кричали. А в монастыре потише пели. Раньше на праздник святых Флора и Лавра мы все стихеры¹¹ пели по крюкам. Также и кондак. Церковь у нас посвящена этим святым. По преданию, ходили и выбирали место для храма. Облюбовали его. Оно посреди села. А потом говорят: “Давайте посмотрим, а в какой день мы нашли это место?” Оказалось, в день святых Флора и Лавра. Старики так рассказывали. В куничском храме женщин не было (имеется в виду, что женщин не было среди певчих на клиросах. — Н. Д.). А потом пришли. Многие мужчины у нас в протесте ушли. Жалобы писали владыке. Владыка объяснял: “Разве не жены-мироносицы первыми возвестили о воскресении Христа?” Мужчины ходили у нас только с бородами. Все было очень строго. Служили с полуночи. Священник о. Константин новое принес, с Кишинева. Но там по нужде, город. Ведь мы поем “Завтра услыши глас мой”, “Слава показавшему нам свет”. А у нас вечер на службе. Книги были рукописные. Были такие люди, писали иконы, книги. Способные были на это дело».

Раньше и у нас в шубках ходили, как в Румынии, а после войны забыли. Платки всегда на узел повязывали. Только в монастыре, кто ходил на клирос, под булавочку.

На Пасху мы ходили на кладбище, пели пасхальные песнопения. На Рождество — по домам. И теперь ходят: дети, мальчишки. Они поют ирмосы первой песни канона, кондак, величания, задостойники. Наизусть поют. Ко мне приходят поучиться. По покойнику у нас читают сорокоуст, сорок псалтырей. Нанимают людей. Ведь как сказано: «и душам нашим полезное сотвори». А раньше читали «неугасимую». В течение сорока дней четыре человека непрерывно читали псалтырь. Это исчезло. При владыке Иосифе еще было.

А древнее пение уходит».

За «новое пение» в последнее десятилетие ратует Роман Андронников (1976 г. р.). Он обучился крюкам, слышал пение в разных приходах, собрал

¹¹ В старообрядчестве это слово пишется и произносится через «е»: «стихеры», а не «стихиры».

много детей на клирос. Результатом его «нововведений» явились и ускоренный темп, и повышение тесситуры, и чистая монодия. Он — стихарный, поставлен в эту степень епископом Тимоном Кишиневским в 1988 г., и помимо руководства правым клиросом осуществляет теперь в общине и обязанности главного уставщика (в приходах Бессарабии таких людей называют «дьяки»)¹². Поэтому Роман — дьяк в храме, «дьякует». Он отстаивает свою позицию и в отношении пения: нужно петь строго в унисон, по крюкам, так как, с его точки зрения, это правильно, грамотно. В этом, хотя и негласно, просматривается желание быть похожим «на Москву» (в обобщенном смысле слова, на российские городские приходы) и не быть «деревенским».

В ходе беседы с ним была затронута другая тема: обучение крюкам. В советские годы у старообрядцев не было специальных школ для обучения знаменной нотации в общинах. В большинстве приходов крюковому пению обучали тайно, на дому, у опытных учителей. Каждый осуществлял это, как мог, у каждого была своя методика. Изучение этих методик не только интересно, но и чрезвычайно важно для исследования истории и теории древнерусского богослужебного пения. Представленный Романом рассказ вносит существенную лепту в разъяснение этого вопроса: *«Учил меня всему отец — протодиакон Константин. В первую очередь обучал он гласам, пению по гласам. Я только начинал себя помнить, мне было годиков четыре-пять. Он мне напевает стихеру со словами. Я запоминаю мелодию. Потом он просто намычит, и я должен узнать, какой это глас. Отец делал это утром, вечером. Вечером он клал меня с собой и учил до тех пор, пока я не усну. Где бы мы не были, во дворе, на улице, дома, он постоянно пел стихеры, и я должен был узна-*

¹² Дьяка не надо путать с диаконом! Диакон (греч. 'помощник') имеет священный сан, проходит таинство хиротонии. Дьяк — помогающий на службе прихожанин. В российских приходах таких лиц называют *стихарный* (если человек поставлен в чтецы архиереем), *уставщик* (если он отвечает за устав службы), *головщик* или *регент* (если он руководит пением хора). В южных их называют одним словом — *дьяк*.

вать глас. Если я не отгадываю, он поет стихеру другого гласа. Так продолжалось до тех пор, пока я не выучил все гласы.

Когда я четко выучил напевы, он меня заставил петь воскресные стихеры на глас. Например, “Вечерняя наша молитвы” (в первом гласе) и так далее. В пять лет я уже читал по-церковнославянски. Поэтому мне нужно было запомнить только напев.

После этого и таким же образом он учил меня запоминать подобны. Выучили мелодии подобнов. Тогда он берет книгу, находит текст какой-нибудь стихеры и вначале сам поет ее на подобен, затем меня заставляет.

В двенадцать лет я стал крюки учить. И делал я это таким образом. Я знал многие ирмосы наизусть. Беру книгу, нахожу ирмос, гляжу на крюки и вспоминаю напев, как поют его в храме. Например, ирмос “Твоя победительная десница”. Я его наизусть пою и гляжу на крюки, хотя их и не знаю. Запоминаю, на каких крюках какая мелодия. Потом открываю другую книгу, нахожу другой ирмос, мне незнакомый. Сравниваю крюки, нахожу то же написание, и таким образом вспоминаю мелодию. В тех местах, где не нахожу сходных знаков, спрашиваю отца. Он напевает мне это место. Вот таким образом я сам начинал учить крюки. Отец мог по крюкам спеть все, хотя не знал — как какой крюк называется. Так я с подсказкой и интуицией овладевал этой грамотой. На кулизмах¹³ долго сидел. Ведь пишутся они одинаково, а поются в разных гласах по-разному. По началу, когда я смотрел на крюки, думал, что никогда их не выучу. А выучил. В основном на ирмосах и славниках я это делал. Многие из них я ведь мог петь наизусть.

Так было каждый день. Обычно вечером отец кладет меня рядом с собой и заставляет петь до тех пор, пока я не усну. И так было каждый день, по два, по три часа. Или это было обычно в пятницу. У нас в семье, как правило, банный день. С утра до обеда он зубрил со мной

¹³ Кулизма — название одной из попевок. Попевка — мелодико-ритмическая формула, имеющая свое название, знаковое начертание, местоположение в структуре напева. Из попевок складывается мелодия песнопений в знаменном распеве. Каждый глас имеет свой набор попевок, отличающий его от другого.

антифоны. Я должен был выучить их наизусть, чтобы в субботу вечером на всеобщей уметь руководить хором. Так он готовил меня к службе.

Потом я уже пошел к бабе Оле (Фекле Кондратьевне. — Н. Д.) Макаровой изучать крюки с названиями. Она показывала мне крюк, говорила его название, пропевала. Дома я должен был это запомнить. Но все это было устно. В тетради мы ничего не писали.

А параллельно всему этому все эти годы я изучал Устав церковной службы. Помогал отец и те, кто дьяковал на клиросах: баба Оля и ее подруга. В двенадцать лет я уже мог провести службу. В 1992 году полностью стал руководить на правом клиросе.

До пятнадцати лет я выучил пение и Устав. Десять — двенадцать лет надо на обучение.

Отец меня любил и считал, что я должен знать крюки».

Итак, политические и экономические потрясения, выпавшие на долю Молдовы после распада СССР, отразились на жизни старообрядцев всей Кишиневской епархии. Как это ни странно, но в куничском приходе это проявилось особенно болезненно. Жители других старообрядческих сел нашли определенный выход из сложившейся в Республике ситуации. Так, в селе Старая Добруджа народ занимается культивированием роз. Товар имеет сбыт в ближайшем городе Бельцы. В селе Покровка выращивают фрукты и отвозят на пограничные с Молдовой украинские перерабатывающие фабрики. Постоянным же рынком сбыта с. Кунича являлся райцентр Каменка. Этот город оказался в настоящее время на территории Приднестровья. Таким образом, село лишилось главного места сбыта своей продукции. Это и привело к тому, что именно из Куничи усилился отток людей в разные страны ближнего и дальнего зарубежья на заработки. В некоторых семьях мужчины живут и работают вдали от дома более десяти лет. Разбитые дороги, заколоченные дома — такова нынешняя картина самого крупного и процветавшего некогда прихода Молдавской епархии. В 2008 г. священнику о. Ивану Андронникову исполнилось 89 лет.

Назначенный служить новым священник из Кишинева не находил полного понимания среди прихожан. Покидая Куничу в августе 2006 г., автор не мог избавиться от чувства, что приход церкви свв. Флора и Лавра находится на грани большой духовной катастрофы¹⁴.

Вместе с тем, исследования, проведенные в Куниче в 1973—2008 гг., позволяют говорить об удивительном культурном потенциале, который столетия не давал приходу свв. Флора и Лавра прекратить свое существование. Сохранит ли село Кунича свое значение уникального центра книжности и певческих традиций старообрядцев междуречья Днестра, Прута и Дуная, покажет время.

Литература

Денисов 2005 — Денисов Н. Г. Стрельниковский хор Костромской земли. Традиции старообрядческого церковного пения. М., 2005.

Древность 2002 — Древность вечно живая. Кишинев, 2002.

Ермакова 1964 — Ермакова Л. И. Сельскохозяйственная и бытовая лексика русских говоров Северной Молдавии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1964.

Зеленчук 1969 — Зеленчук В. С. Расселение и численность русского населения в Бессарабии XVIII — XIX вв. // Проблемы географии Молдавии. Кишинев, 1969. Вып. 4. С. 115—127

Лилеев 1895 — Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1.

Молдавия 1975 — Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев, 1975. Т. 7. Ч. 1.

Пасха 1994 — Пасха у старообрядцев в Молдавии // Живая старина. 1994. № 2. С. 37—39.

Румянцев 2006 — Румянцев Е. Не нами сие начато. Нить времен. Кишинев, 2006.

Смилянская, Денисов 2007 — Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М., 2007.

Сырку 1880 — Сырку П. Наши раскольники в Румынии и взгляд на них румынского общества // Христианское чтение. 1880. Ч. 2. С. 442—443.

Чижикова 1973 — Чижикова Л. Н. Этнографические особенности русского населения Молдавии // Советская этнография. 1973. № 3. С. 28—42.

¹⁴ В настоящее время на куничский приход рукоположен новый священник.